
ЛЮДИ. ГОДЫ. ЖИЗНЬ

Г. А. Бордовский,
ректор

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ

Когда мне предложили написать об одном из очень ярких герценовцев — Юрии Вячеславовиче Кожухове*, я согласился, не раздумывая. Однако, взявшись за перо, вдруг осознал, что надо обладать таким же талантом рассказчика, каким обладал Юрий Вячеславович, чтобы описать этого удивительного человека, рассказать о своих встречах с ним и совместной работе. Поэтому заранее прошу прощения у читателя за то, что вместо волнующего повествования получился сухой отчет.

Убежден, что в нашей сегодняшней реальности понять масштаб личности Ю. В. Кожухова и его влияние на развитие нашего университета невозможно без хотя бы самого общего взгляда на эпоху конца 60-х — начала 80-х годов XX столетия, преломленную в жизни ЛГПИ им. А. И. Герцена, коим был в то время наш вуз.

До 1965 года я воспринимал институт глазами студента, даже в то время, когда после его окончания и поступления в аспирантуру два года служил солдатом в Советской Армии, но связи с институтом не порывал. После демобилизации в августе 1965 года и возвращения в аспирантуру я как-то очень неожиданно был назначен председателем Совета СНО института. Именно назначен, поскольку вначале меня пригласил в кабинет проректор по науке профессор В. В. Аникиев и сказал, что теперь я буду занимать этот пост, а уж потом конференция СНО единогласно (по-другому не бывало) меня избрала. Думаю, что мою кандидатуру назвал В. В. Шапкин, мой однокурсник, который до моего возвращения из армии был председателем Совета СНО института. С этого времени у меня появилась возможность в какой-то мере воспринимать институт в целом и хотя бы в малой степени принимать участие в общеинститутских делах.

Прежде всего у меня сложилось мнение, что занятие наукой в институте тогда было практически личным делом каждого, кто хотел ею заниматься. Это касалось и аспирантов, и профессоров. Сколь-либо значимой финансовой или организационной поддержки научных исследований фактически не было. Каждый должен был решать эти вопросы самостоятельно. Пока я был просто аспирантом на физическом факультете, это казалось вполне естественным и нормальным. Однако через несколько месяцев работы в качестве председателя СНО я столкнулся с одной проблемой и понял, что с организацией и обеспечением научной работы в институте происходит что-то не то.

* Кожухов Юрий Вячеславович (25.09.1921, с. Ленино Смоленской обл. — 17.04.1984, Ленинград). Специалист в области истории СССР. Доктор исторических наук (1968), профессор (1969), член-корреспондент АПН (1974). Окончил исторический факультет ЛГПИ (1949); аспирантуру ЛГПИ по специальности «История СССР» (1952). С 1952 г. работал на кафедре истории СССР в должности ст. преподавателя; доцента (1954; 1957–1968); декана исторического факультета (1952–1957); проректора по научной работе (1968–1976); зав. кафедрой истории СССР (1976–1982). Участник Великой Отечественной войны. Награжден медалями: «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За трудовую доблесть»; значком «За отличные успехи в работе в области высшего образования СССР» и др. Научные исследования посвящены экономической истории России XIX века.

Дело в том, что в городе решили провести выставку научных работ студентов, и каждый вуз должен был выставить один информационный стенд стандартного образца и один стол с объемными экспонатами. Информацию и экспонаты мы в Совете СНО собрали быстро, но оказалось, что изготовить стенд, выделить стол, перевезти их на выставку в Дом учителя, подключить освещение и т. д. в институте некому. Всем этим делом мы фактически с Владимиром Васильевичем Аникиевым занимались вдвоем, включая «погрузку—выгрузку». Когда выставку открывали, наша экспозиция оказалась практически никем не замеченной, и профессор Аникиев (кто с ним встречался, знает, что это был исключительно интеллигентный человек) грустно сказал мне: «Как-то бедненько выглядит наша экспозиция». А я про себя подумал, что при такой организации и обеспечении научных исследований ничего другого и ожидать не приходится.

Очень скоро после этого должность проректора по науке занял Л. Ф. Скляр, который занимал ее совсем недолго, так как ушел из жизни. Вакантное место занял молодой доктор наук, профессор И. Д. Зверев, который только что вернулся из длительной зарубежной командировки, кажется, в Индию. Я записался к нему на прием, изложил все проблемы, связанные с работой СНО, и попросил его отпустить меня с этой общественной должности. Он выслушал и сказал: «Отпущу, когда наладишь эту работу».

Не буду обременять читателя рассказами о развитии СНО в нашем институте — это другая история. Я коснулся ее только для того, чтобы подойти к личности Юрия Вячеславовича Кожухова. Через год после этого разговора с И. Д. Зверевым он отпустил меня с должности председателя Совета СНО завершать диссертацию, и я завершил ее в срок. Сам Иван Дмитриевич неожиданно для нас — аспирантов уехал в Москву в АПН СССР, где работал вначале академиком-секретарем, а потом долгие годы вице-президентом Академии, был народным депутатом СССР, но всегда очень по-доброму относился к нашему институту, считал себя герценовцем. У него до сих пор осталось здесь много учеников, поклонников и друзей.

На освободившуюся должность проректора по науке назначили только что защитившего докторскую диссертацию молодого историка Ю. В. Кожухова. Мне как физику не приходилось с ним встречаться, но фамилия его была в институте на слуху, потому что в те времена защита докторской диссертации была огромным событием. Защищались буквально единицы, но это были непременно люди очень известные в вузе своими достижениями, своей активной жизненной позицией. Для меня же наступил год самой плодотворной научной работы. Защита диссертации сняла груз аспирантской ответственности, и можно было думать о науке, а не о том, завершится ли исследование защитой диссертации. Физический факультет ЛГПИ им. А. И. Герцена стал выполнять так называемые хоздоговорные научные работы, которые заказывались и дополнительно оплачивались различными организациями, главным образом работавшими на «оборонку». На такую хоздоговорную ставку я и был оставлен в институте после окончания аспирантуры. Дела шли хорошо. Удалось опубликовать несколько статей в академических журналах, участвовать в ряде конференций, успешно сдать заказчику выполненную работу. Мой научный руководитель В. А. Извозчиков стал привлекать меня к некоему соруководству аспирантами, число которых стало увеличиваться. Словом, ни о чем другом я и не мечтал.

Вызов к проректору по науке оказался для меня совершенно неожиданным, поскольку в СНО я уже давно не работал, аспирантуру закончил, а как может волновать проректора по науке какой-то научный работник в одной из многочисленных лабораторий... Из-за стола поднялся мне навстречу стройный мужчина с пронзительными лучистыми глазами, роскошными пшеничными усами и дымящейся сигаретой в руке. Он как-то по-доброму улыбнулся и с легкой хрипотцой в голосе предложил мне сесть у маленького приставного столика. Началась неторопливая беседа «за жизнь». Он спросил о том, как идет работа, какие интересные результаты получены, будет ли продолжение работы (надо понимать, готовы ли заказчики дальше оплачивать эти исследования). Спросил о службе в армии и тут же

сам вспомнил смешной случай из своей солдатской жизни (службу он начинал еще до войны рядовым). Рассказывал он так живо и убедительно, что я до сих пор помню сюжет этого рассказа, хотя, к сожалению, дословно не могу его пересказать. Но смысл заключался в том, что молодой солдат Кожухов установил хорошие отношения со старшиной роты, который оказался его земляком, а также познакомился с девушкой, которая жила в городе, и обещал ей непременно быть в воскресенье на свидании. Старшина же очень не любил командира роты, который только что закончил какие-то краткосрочные офицерские курсы и «не нюхал армейской жизни». Когда красноармеец Кожухов пришел к старшине просить увольнительную на воскресенье, тот, важно сидя за столом в каптерке, ему отвечает: «Ты знаешь, что комроты приказал никого в воскресенье не отпускать? — Знаю. — А я приказ этого (далее следует крепкое слово) пошлю на (далее следует еще более крепкое слово), а тебя Юрка (тут красноармеец Кожухов, стоя спиной к двери, видит, как наливается краской лицо старшины, который увидел входящего в каптерку командира роты)... посылаю чистить гальюн за попытку нарушить приказ нашего дорогого комроты!»

Это был первый из бесчисленных рассказов Ю. В. Кожухова, которые он рассказывал в течение всего времени нашего общения по жизни. Что удивительного? Эта, в общем-то простая армейская байка, рассказанная к месту после упоминания о военной службе, сняла барьер между молодым человеком, который напряжен и не понимает, зачем его вызвали в этот высокий кабинет, и проректором по науке, прошедшим огромную жизненную школу. Как-то незаметно разговор перешел к проблеме организации хозрасчетной научной деятельности, к перспективам этого направления, к вопросам о том, что надо обеспечить нормативную базу, отработать финансовый механизм, создать новые лаборатории и т. д., и т. п. Когда в конце разговора Юрий Вячеславович предложил занять должность начальника НИС института, мне уже было ясно, что надо соглашаться, и я просил время подумать практически ритуально, хотя это предложение радикально поворачивало мой жизненный путь к такой работе, о которой я никогда не думал.

Это был первый урок, данный мне Юрием Вячеславовичем, личность которого меня сразу заинтересовала и увлекла. Три года я работал под непосредственным руководством Юрия Вячеславовича в научной части, два года общался с ним, будучи председателем месткома института, и почти два года был его коллегой по ректорату, заняв по его же рекомендации должность проректора по учебной работе на естественнонаучных факультетах. Могу без преувеличения сказать, что эти годы общения с Юрием Вячеславовичем были для меня огромной жизненной школой и я искренне считаю его своим учителем жизни.

Еще раз жалею о том, что не способен рассказать об учителе так, как это он умел делать сам, — убедительно и ярко. Однако попытаюсь поделиться хотя бы некоторыми впечатлениями в обобщенном виде. Должен отметить, что больше всего Юрия Вячеславовича интересовали люди, и не в общем плане, а каждый человек конкретно. Все, кто знал Юрия Вячеславовича, отмечают его огромную контактность. Он легко находил тему для интересного разговора и с сельским жителем, и со случайным попутчиком в поезде, и с министром, и с генералом. Я не говорю уже о коллегах! Не могу сказать, был ли это врожденный дар человеческого общения или он воспитал в себе это желание как можно лучше узнать человека, его жизнь, проблемы, взгляды и оценки. Могу однозначно сказать, что у Юрия Вячеславовича никогда не было превратного мнения о человеке, сформированного кем-то и как-то заочно или скоропалительно.

Это было, может быть, единственным моментом, в котором он существенно расходился с нашим ректором А. Д. Боборькиным, который нередко испытывал чувство влюбленности в того или иного человека, которое возникало у него в какой-то очень конкретной ситуации. Например, неожиданное совпадение взглядов на то или иное художественное произведение или театральную постановку, яркое выступление на партийном собрании, элегантный костюм и удачно подобранный галстук иногда делали человека в глазах Александра Дмитриевича очень интересным, перспективным, и он трудно расставался с этими

симпатиями, если жизнь затем показывала иное. Помню, что в 70-е годы XX века нашему институту долго не везло с проректорами по административно-хозяйственной работе (АХР), иногда они менялись по несколько раз в год. Наконец на глаза Александру Дмитриевичу попался заместитель командующего одной из армий Ленинградского военного округа по тылу, некто В. П. Киселев. Он был человеком мощного телосложения, с громким командным голосом, твердо отстаивал свои позиции в любой ситуации. Это очень понравилось Александру Дмитриевичу, и он назначил его очередным проректором по АХР. Однако коллектив института скоро стало лихорадить от стиля и методов работы нового проректора. Например, на заявке о выдаче со склада унитазов тот накладывал резолюцию: «Прошу объяснить, для какой цели». Дефектологический факультет он упорно называл «дефективным» и т. д. Жалобы ректору на стиль работы нового проректора оставались без внимания, пока Александр Дмитриевич лично не столкнулся с ситуацией, когда проректор проводил «строевой смотр» дворников с метлами и лопатами, уборщиц с ведрами и швабрами, построив их у гаража во главе с комендантами. Это настолько не вписывалось в стиль Герценовского института, что реакция ректора была незамедлительной. Были примеры и обратного свойства. Я помню, как на кафедру русского языка для иностранцев устраивался на работу новый профессор, который приехал в Ленинград из провинции. На знакомство с ректором он пришел в полосатой рубашке с длинными, не модными в то время, углами воротничка. Александр Дмитриевич ему прямо заявил, что если он хочет работать с иностранцами, то должен одеваться иначе, следить за модой, и до конца своей работы ректором полагал, что кафедра сделала неудачный выбор, хотя, думаю, и не знал, насколько квалифицированным специалистом был этот неудачно одевшийся профессор. Я привел эти примеры для того, чтобы показать, что два человека, определявшие в то время основное направление развития института, А. Д. Боборыкин и Ю. В. Кожухов, были очень разными людьми, оставаясь, однако, при этом настоящими соратниками. Конечно, как и каждый человек, Ю. В. Кожухов кого-то глубоко любил, с кем-то просто имел хорошие отношения, кого-то не любил, но первоначально он каждого нового человека пытался узнать как можно лучше и в общении, и в деле, старался составить мнение о человеке самостоятельно.

Могу сказать, что при всей легкости, с которой Юрий Вячеславович заводил беседу, он никогда не вел пустых разговоров. Истинную цель этого разговора люди часто узнавали потом, спустя какое-то время, когда принималось то или иное решение, оказывалась какая-то помощь, происходило назначение на должность, открывалось новое научное направление и т. п.

Несколько слов надо сказать об отношениях Юрия Вячеславовича с друзьями. Я не входил в круг его друзей хотя бы в силу большой разницы в возрасте, поэтому могу судить о том, каким он был в дружбе, только по наблюдению со стороны, так как иногда принимал участие в их разговорах, а также слушал воспоминания или рассказы Юрия Вячеславовича. Этими друзьями были люди, с которыми его свела жизнь уже после войны. Насколько я могу судить, близких дружеских отношений с однополчанами он не поддерживал, хотя постоянно ходил на встречи ветеранов, всегда готовился к этому. Интересно, что он никогда при мне не рассказывал героических историй о войне. Вспоминал чаще какие-то курьезные случаи. Несмотря на то, что в войну он был достаточно молодым человеком, никакой военной романтики у него не было. Часто после встреч ветеранов, которые проходили, как правило, в День Победы, он с большой долей иронии говорил, что со временем воспоминания многих ветеранов обрастают такими красочными подробностями о героических поступках, что «не понятно, почему мы целых четыре года не могли победить немцев». Из его военных воспоминаний я запомнил хорошо только один рассказ. Однажды я спросил, где он научился такой правильной и выразительной русской речи. В ответ Юрий Вячеславович сказал, что до войны был стеснительным и малоразговорчивым человеком. На фронте однажды попал под бомбежку и получил сильную контузию с полной потерей речи. Врачи в госпитале ничего сделать не могли и уже готовились оформлять инвалидность, но случился

новый авианалет уже на госпиталь, где его контузило во второй раз, и когда он очнулся, то речь восстановилась полностью. От неожиданного счастья обретения вновь дара речи он долго не мог наговориться. «Вот так я и стал болтуном», — с обычной долей самоиронии завершил этот рассказ Юрий Вячеславович.

Наиболее близкие его друзья, которых я знал, были из нашего института. Это профессор Александр Израилевич Раев, профессор Владимир Васильевич Богословский, профессор Михаил Алексеевич Панкратов, доцент Павел Михайлович Кузьмичев и Яков Александрович Путрин, который в 50-е годы работал директором нашей столовой и сделал ее тогда лучшей студенческой столовой города. Мне кажется, что всех их объединяли какие-то общие человеческие качества и интересы. По крайней мере, общий интерес к рыбалке, а ранее и к охоте, был ярко выражен. Они всегда заранее обсуждали, когда поедут, куда поедут, что возьмут с собой. Это касалось и воскресных выездов и летних отпусков. Потом следовали бесчисленные «охотничьи рассказы» об этих поездках. При этом Юрий Вячеславович говорил, что главное, чтобы в основе рассказа был реальный факт, а уж как его обыграть — это дело рассказчика, это позволительно. Помню, что еще задолго до появления фильма «Ирония судьбы, или С легким паром» слышал историю о том, как друзья после хорошей бани отправили Юрия Вячеславовича в Москву на «Красной стреле» и с какими приключениями он выбирался обратно в Ленинград, договариваясь с проводницами. Когда я напомнил Юрию Вячеславовичу эту ходившую по институту байку, он долго смеялся и сказал, что действительно такой факт по молодости был, но в Москву отправили не его, а он с еще одним приятелем отправил туда П. М. Кузьмичева, с которым они жили в одной коммунальной квартире на Мойке, 48 и ходили вместе в баню на Гороховой, где «иногда сидели хорошо». «Правда, в тот раз мы позвонили другу в Москву, чтобы тот встретил утром Пашку и купил ему билет, поскольку денег у нас после бани на обратную дорогу уже не было. Да Пашка и сам давно собирался навестить московского друга», — заключил Юрий Вячеславович. Как было на самом деле — теперь уже никто не узнает. Но этот сюжет Эльдар Рязанов обыграл в фильме великолепно.

Могу привести еще одну, как мне кажется, поучительную историю, рассказанную Юрием Вячеславовичем о своем друге М. А. Панкратове.

Михаил Алексеевич был одним из немногих профессоров, которые особое внимание уделяли своему внешнему виду. Он очень модно, я бы сказал, даже щегольски одевался, имел особую, «профессорскую» манеру разговаривать, иными словами, был типичным интеллигентом старой петербургской школы. Однако, когда он вместе с друзьями выезжал на рыбалку, то одевался в видавший виды ватник, потертые брюки, не брал с собой бритвы и приобретал весьма колоритный «рыбацкий» образ. Однажды компания этих друзей возвращалась с рыбалки и вынуждена была долго ждать в Ломоносове электричку на Ленинград. День был жарким, и у единственного ларька с пивом стояла длинная очередь. Встали в нее и профессора Кожухов и Панкратов. Скоро выяснилось, что очередь практически не движется, потому что местные мужики пропускают друг друга, успевая выпить уже по несколько кружек. Михаил Алексеевич в своей рыбацкой «униформе» решил навести порядок. Подошел к началу очереди и своим «профессорским» тоном сказал: «Милейший, Вы уже в третий раз подходите без очереди, а я, будучи профессором, стою в общей очереди. Это не порядочно!» В ответ же услышал следующее: «Это кто, ты профессор? Да я тебя, алкаша, давно знаю, ты еще вчера здесь под забором лежал, а сегодня решил опохмелиться? Посмотрите на него!» И вся очередь стала громко гоготать, комментируя ситуацию. Бедный профессор Панкратов сразу потерял желание выпить пиво и в полном конфузе покинул очередь, еще долго возмущаясь допущенной по отношению к нему несправедливостью. Сама по себе эта история, наверное, не имела бы особого успеха у слушателей, если бы Юрий Вячеславович не рассказал ее в присутствии одного из наших сотрудников, который недавно защитил докторскую диссертацию и постоянно к месту и не к месту стал говорить: «Я как доктор наук», что у многих вызывало внутреннюю иронию. Уверен, что эту

историю с М. А. Панкратовым Юрий Вячеславович рассказал в присутствии вновь испеченного доктора наук не случайно. Он как бы иносказательно намекнул, что надо, друзья, чувствовать ситуацию, знать меру, не быть смешным. Интересно, что после этого случая несомненно заслуженный человек излечился от «докторской» болезни. Сам же Юрий Вячеславович всегда был адекватен той или иной ситуации, поэтому его принимали за «своего» и сантехник, и министр.

Следует сказать, что Ю. В. Кожухов был человеком скромным и непритязательным в быту. Казалось, что скромность была его глубоко внутренним свойством. Он не только не требовал, но и не допускал какого-то чиновничества по отношению к себе. Свою популярность, повышенное внимание и любовь окружающих к нему, которые несомненно были, он воспринимал с большой долей иронии, словно говорил: «Я понимаю, что вы это делаете от души, но не надо это делать, ибо все по большому счету суета». При этом, однако, он проявлял большое внутреннее достоинство, особенно когда речь шла о вещах принципиальных.

Я вспоминаю одну историю, связанную с поездкой делегации нашего института во главе с Ю. В. Кожуховым в Потсдамскую высшую педагогическую школу ГДР, с которой было длительное сотрудничество. Эта поездка состоялась по случаю празднования 30-летия со Дня Победы. Все проходило прекрасно, пока в день официальной встречи у ректора нашей делегации не подали автомашину «Трабанд». Многие знают, что это был пластмассовый вариант нашего «горбатого» «Запорожца». При этом другим делегациям, которые возглавлялись ректорами, предоставили «Волги». Юрий Вячеславович, когда попал в эту ситуацию, спросил у сопровождающего, как далеко от гостиницы до ректорского офиса. Выяснилось, что около двух километров. После этого он попросил передать ректору, что делегация, к сожалению, опоздает на встречу на полчаса, и пошел пешком. Обратная делегация поехала на «Волге», и ей, как и другим, выделили постоянного переводчика до конца визита. Эта история стала известной в институте в связи с тем, что один из членов делегации посчитал необходимым доложить в партком о нескромном поведении главы делегации. Ю. В. Кожухов объяснил это так: «Я убежден, что на праздновании Дня Победы победителей должны уважать! Об этом нельзя забывать». (В составе делегации, конечно, были только ветераны Великой Отечественной войны.) Кажется, никакого наказания за свое «нескромное» поведение Юрий Вячеславович в тот раз не понес.

Возвращаясь к теме дружбы, могу сказать, что отношение к друзьям у Юрия Вячеславовича не было «поверхностно-охотничьим». Он очень помогал им в работе, всегда глубоко принимал успехи и проблемы близких людей, был очень неравнодушным человеком. Помню, как однажды во дворе института около 2-го корпуса мы встретили одного из институтских водопроводчиков, плохо выбритого, довольно грязно одетого. Юрий Вячеславович неожиданно остановился, поздоровался с ним за руку, предложил закурить, о чем-то стал разговаривать. После того как они расстались, Юрий Вячеславович, видя мой немой вопрос, сказал: «Вот что делает водка с человеком! Он ведь был знаменитым волейболистом, с которым мы дружили после войны, жили рядом. Теперь и жена ушла от него, и сын пошел по плохой дороге, может плохо кончить. Жалко человека».

К семье, детям у Юрия Вячеславовича были особенно сильные чувства. Правда, надо сказать, что у меня было ощущение, что в семье не все понимали величину и неординарность его личности, создавая тем самым дополнительные сложности в его перенасыщенной жизни. Сам же он почти по-детски радовался даже самым маленьким успехам своих детей, любил рассказывать об этом. Особенно много он рассказывал о младшем — Вячеславе, который выбрал нелегкую дорогу моряка дальнего плавания. Не буду повторять историю о его спасении при аварии сухогруза «Механик Тарасов» в Северной Атлантике у берегов Канады, об этом знали очень многие, в том числе из газет. Информация о гибели судна пришла в семью Кожуховых ночью, а утром я, идя на работу, догнал в сквере Казанского собора Юрия Вячеславовича и поначалу сзади даже не узнал его. Шел глубоко старый че-

ловец, казалось, придавленный многими десятилетиями тяжелой жизни. Когда мы поздоровались, я спросил, что случилось, не надо ли помочь дойти, может быть что-то с сердцем. «Да не со мной плохо, а со Славкой!» — ответил Юрий Вячеславович и рассказал о гибели судна, о том, что нет никакой информации о подробностях: им сообщили в пароходстве только сам факт аварии. «Если хоть один человек спасся, то я знаю, что это Славка. Он у меня такой, что будет бороться до последнего, ни за что не сдастся!» — с уверенностью и гордостью сказал Юрий Вячеславович. Так и случилось. Спаслись только пять человек, в том числе В. Ю. Кожухов, которые перед тем как покинуть судно связались одной веревкой, чтобы море не разбросало их, чтобы могли поддерживать друг друга. Но сам Юрий Вячеславович от этого удара уже не оправился.

Если вернуться к Юрию Вячеславовичу как к организатору науки и одному из самых ярких лидеров Герценовского института 70-х годов, то стоит сказать, что двери в его кабинет были открыты для всех, начиная от аспирантов и лаборантов и заканчивая ведущими профессорами. Он не допускал никакой предварительной записи посетителей у секретаря. Можно было либо сидеть в общей очереди, либо заглянуть и спросить, когда лучше зайти, и проректор сам назначал время.

Могу однозначно сказать, что к Юрию Вячеславовичу Кожухову приходили далеко не только и даже не столько по конкретным служебным вопросам, а скорее посоветоваться, обсудить неоднозначную проблему, сложную коллизию, семейную ситуацию, конфликт в коллективе и т. п. Он терпеливо и доброжелательно выслушивал, давал тот или иной совет, чаще в форме размышления, рассказывал о чем-то аналогичном в жизни, о возможных путях выхода и последствиях. Очень часто просто поднимал телефонную трубку, с кем-то разговаривал, запускал механизм решения проблемы. Потом обязательно интересовался, удалось ли получить положительный результат, и т. д. На практике получалось так, что почти все вопросы жизнедеятельности института были в поле его внимания. Можно смело сказать, что на его плечи ложилось решение самых сложных вопросов и проблем. При этом он не принимал решений за других проректоров, не подменял их, не старался отодвинуть в сторону, подчеркнуть свою значимость. Они отвечали ему взаимностью и охотно сотрудничали. Словом, он реально был первым проректором, хотя такой должности в то время у нас и не существовало. Однако именно во время Юрия Вячеславовича Кожухова и под его влиянием было сформировано содружество, которое А. Д. Боборыкин с удовольствием называл «проректорский корпус Герценовского института».

Из изложенного ясно, что с бумагами Юрий Вячеславович работал, как правило, либо до начала рабочего дня (он всегда приезжал на работу рано), либо уже после его завершения, когда поток посетителей иссякал. Мне как начальнику НИС тоже нужно было ежедневно подписывать у проректора большое количество различных документов. Он просил, чтобы я присутствовал при этом лично и докладывал суть проблемы, излагал предлагаемое решение, возможные варианты. Затем, когда он принимал окончательное решение, коротко комментировал, почему следует сделать именно так, а не иначе. Для меня, молодого и неопытного руководителя, это были ежедневные бесценные уроки, как теперь говорят, «менеджмента».

Случалось, что проректор просил меня присутствовать во время беседы с посетителями, если вопрос в какой-то степени касался работы НИС. Особенно сильное впечатление производило на меня то, как быстро и глубоко Юрий Вячеславович схватывал самую суть проблемы, указывал на ее связи с другими вопросами, говорил о возможных последствиях того или иного решения, о влиянии, которое это решение окажет на перспективу. При этом речь, как правило, шла о вопросах, связанных с физикой, химией или биологией, чем занимались основные хоздоговорные лаборатории. В данных науках он, конечно, не был специалистом в обычном понимании этого слова. Однако в том, видимо, и заключается талант руководителя.

Сейчас я понимаю, что для Юрия Вячеславовича задача поиска, расстановки и роста молодых научных кадров была едва ли не самая главная. Думается, что бесконечные беседы с аспирантами и их научными руководителями, знакомство с работой научных групп и лабораторий, прочтение почти всех материалов, которые публиковались в то время редакционно-издательским отделом института, поддержка молодых докторантов работали именно на решение этой задачи. Можно без преувеличения сказать, что большое число нынешних руководителей нашего университета разного уровня от ректора до многих профессоров и заведующих кафедрами получили в свое время неоценимую поддержку Юрия Вячеславовича Кожухова. Он особенно ценил в работнике инициативу, чувство нового, ответственность и способность работать в коллективе. Конечно, не менее значимую, и, скорее всего, более масштабную работу в поиске молодых перспективных кадров вел ректор института А. Д. Боборыкин. Насколько я мог судить, Александру Дмитриевичу особенно импонировали люди, верные лучшим традициям института, хорошо образованные, тонко мыслящие, интеллигентные. Мне думается, что соединение этих двух начал в жизни нашего университета

В 80–90-е годы XX века стало одним из решающих условий его успешного развития в сложнейший для высшей школы период современной истории.

Юрий Вячеславович Кожухов ушел из жизни через несколько месяцев после своего 60-летнего юбилея, который стал праздником для всех его многочисленных учеников, соратников и поклонников. Его смерть потрясла не только коллектив Герценовского института. Она больно отозвалась и в министерствах просвещения СССР и РСФСР, и в АПН СССР, членом-корреспондентом которой он был избран, и в Педагогическом обществе РСФСР, и в большом числе педвузов по всему Советскому Союзу. Да это и не удивительно. За какие-то 5–7 лет своей работы проректором по науке он вывел наш институт на ведущие позиции. За это время был развит хозрасчетный сектор вузовской науки до такого уровня, что в нем выполнялось большое число важных работ по заказам крупнейших институтов АН СССР, Министерства обороны СССР, различных НИИ и промышленных предприятий. Ученые института в это время получили большое число авторских свидетельств и патентов. Достаточно сказать, что медицинский препарат, созданный в проблемной лаборатории института под руководством профессора В. В. Перекалина, был включен в то время в стандартную аптечку отечественных космонавтов.

Работы физиков под руководством доцента Б. А. Тазенкова легли в основу создания отечественной ксерокопировальной техники (аппарат «Эра»). Под руководством профессора И. М. Бронштейна были созданы самые эффективные эмиттеры для электронно-лучевых приборов. В лаборатории профессора Г. А. Иванова создали микрохолодильники на основе сплава висмут—сурьма, которые устанавливались на советских спутниках. Группа доцента В. Г. Бойцова разработала и довела до широкого промышленного производства электретные микрофоны. Под руководством доцента В. А. Извозчикова были выполнены работы, положенные в основу создания отечественных телевизионных камер, позволяющие визуализировать рентгеновское излучение. Исследования низкотемпературной плазмы, проводившиеся в лаборатории доцента В. М. Гольдфарба, использовались для создания систем обнаружения запуска баллистических ракет. Работы доцента И. М. Батяева способствовали созданию в стране жидких лазеров. Под руководством доцента Э. В. Бурсиана созданы СВЧ-резонаторы на сигнетоэлектрических кристаллах. Благодаря работам профессора Р. Г. Пиотровского и его сотрудников была создана самая совершенная в свое время система машинного перевода большого объема информации на иностранных языках «Силод», патенты на которую продавались и за рубеж. В лаборатории устной речи под руководством доцента М. М. Сегалы был создан лингафонный кабинет, который по своим дидактическим возможностям значительно превышал известные образцы и был награжден медалью на Всесоюзной выставке достижений народного хозяйства. И это далеко не полное представление уровня и масштаба научных и опытно-конструкторских работ, организованных в

НИС института при самом активном и определяющем участии проректора по научной работе Ю. В. Кожухова.

В институте тогда была создана современная научная база, на основе которой ученые — руководители хоздоговорных научных лабораторий — успешно защищали докторские диссертации (достаточно назвать хотя бы таких докторов физико-математических и технических наук, как Э. В. Бурсиан, В. А. Извозчиков, В. М. Гольдфарб, Б. А. Тазенков, В. Г. Бойцов, докторов химических наук — К. В. Алтухов, М. М. Зобачева, А. С. Сопова, Г. И. Баранов, И. М. Батяев и т. д.). Не менее впечатляющие успехи были и у специалистов в области гуманитарных и психолого-педагогических наук. Достаточно вспомнить защиты докторских

диссертаций филологами В. Я. Шабесом, В. В. Григорьевым, педагогами З. И. Васильевой, Т. Н. Мальковской, географами Ю. Н. Гладким, В. С. Ягьей и многими другими. Именно развитие фундаментальных исследований в те годы позволило нашему вузу позднее заслуженно получить статус университета.

Не менее знаменитым стал наш институт в 70-е годы и благодаря издательской деятельности, которая была перестроена по инициативе Ю. В. Кожухова и И. Я. Розенфарбом. Институт получил статус головного по научным изданиям в Министерстве просвещения РСФСР. Работы, публиковавшиеся в наших изданиях, стали приниматься ВАК СССР в качестве материалов, признаваемых при защите докторских диссертаций. Другие вузы стали стремиться издавать свои работы через наш институт. Работники Министерства просвещения самого высокого уровня постоянно обращались к Ю. В. Кожухову за советом и помощью в планировании научных исследований, в подготовке научно-педагогических кадров.

Не могу не коснуться и студенческого научного общества, с которого я начал эту статью. Ю. В. Кожухов организовал дело так, что СНО не только стало важной частью студенческой жизни института, но и дало путевку в большую науку многим и многим студентам. Достаточно хотя бы упомянуть таких известных ныне своей работой всему университету людей, как В. А. Козырев, В. В. Лаптев, В. А. Бордовский, В. И. Богословский, С. А. Потачев и многие другие.

Сегодня, когда сам прожил уже больше, чем это было отпущено Ю. В. Кожухову, я особенно хорошо вижу всю величину его личности. Он принадлежал к тому поколению людей, для которых слова «Родина», «долг», «честь», «дружба», «ответственность», «патриотизм» не были пустым звуком или поводом для насмешек. Это было поколение людей, которое почти полностью погибло на фронтах Великой Отечественной войны, встретив ее уже в первый день. Многие из оставшихся представителей этих молодых фронтовиков жили, учились и работали так, как будто они хотели сделать все не только за себя, но и за тех, кто погиб. Они не задавали вопросов «А почему это я должен сделать?», не считали часов до окончания рабочего времени, не уходили от ответственности, не проходили мимо, когда видели, что обижают слабого. Именно поэтому они сделали в своей жизни так много! Юрий Вячеславович Кожухов несомненно является одним из лучших герценовцев-фронтовиков, которые еще 30–40 лет назад задали нашему институту верный вектор развития. В том, что сегодня мы с гордостью называемся Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена, национальным достоянием страны есть огромный, ничем не заменимый вклад этого прекрасного Человека.